
ФИЛИП ДИК
СОХРАНЯЮЩАЯ МАШИНА

Рууг
Филип Киндред Дик

Аннотация
Филип Дик. Рууг

Аннотация

Какова она, наша жизнь, глазами собаки? Это вы узнаете, прочитав данный рассказ, в котором пес Борис охраняет дом своего хозяина от загадочных Руугов, которые постоянно приходят к его дому за подношениями…

Филип Дик
Рууг

- Рууг! — сказал пес. Он стоял у забора, положив лапы на верхнюю планку, и осматривался.

Через открытую калитку во двор вбежал рууг.

Утреннее солнце не успело еще толком подняться, воздух оставался серым и стылым, а стены дома — влажными от покрывшей их за ночь росы. Осматриваясь, пес слегка приоткрыл пасть, когти больших черных лап крепко вцепились в деревянный брусок.

Рууг остановился сразу за калиткой и начал глядеть во двор. Это был маленький рууг, белесый и тощий, на тоненьких шатких ножках. Рууг посмотрел на пса и несколько раз моргнул. Пес оскалил зубы.

- Рууг! — сказал он снова, звук раскатился и заглох в тишине окутанного утренним полумраком двора. И ничто вокруг не пошевелилось. Тогда пес скинул лапы на землю, пересек двор и сел на нижнюю ступеньку крыльца, продолжая осторожно наблюдать за руугом. Рууг взглянул на пса. А затем растянул свою шею. Прямо над головой рууга находилось одно из окон дома. Рууг понюхал окно.

Пес молнией метнулся через двор и ударился о забор, калитка вздрогнула и затрещала. Рууг уже уходил, он торопливо семенил по тропинке,

быстро, забавно перебирая ножками. Пес лег на землю, боком привалился к доскам калитки. Он тяжело дышал, длинный красный язык свесился из пасти. Он смотрел, как уходит рууг.

Пес лежал молча, не закрывая черных блестящих глаз. Наступил день. Небо немного посветлело, в зябком утреннем воздухе со всех сторон доносились звуки — люди просыпались и вставали. За опущенными шторами вспыхивали лампы. Открылось окно.

Пес не шевелился. Он наблюдал за тропинкой.

На кухне миссис Кардосси залила кофейник кипятком. Поднявшийся от воды пар на секунду ослепил ее. Она оставила кофейник на краю плиты и пошла в кладовую. Когда она вернулась, в дверях кухни стоял Альф. Он был уже в очках.

- Ты принесла газету? — спросил он.

- Нет еще.

Альф Кардосси пересек кухню. Отодвинув засов задней двери, он вышел на крыльцо. Он посмотрел на серое, промозглое утро. У забора лежал Борис, черный и шерстистый; язык пса свесился наружу.

- Спрячь язык, — сказал Альф.

Пес мгновенно повернул голову к хозяину. Черный хвост застучал по земле.

- Язык, — повторил Альф. — Спрячь язык. Пес и человек смотрели друг на друга. Пес тонко заскулил. Его глаза лихорадочно блестели.

- Рууг! — негромко сказал он. — Что?

Альф огляделся по сторонам. — Кто-то идет? Газетчик идет?

Пес смотрел на него молча, с открытой пастью.

- Что-то ты последнее время не в себе, — сказал Альф. — Не надо тебе так волноваться. У нас с тобой обоих не тот возраст, чтобы много волноваться.

Он вернулся в дом.

Солнце поднялось. Улица стала яркой, заиграла красками. По тротуару проследовал почтальон со своими письмами и журналами. Стайкой пропорхнули дети, они смеялись и о чем-то говорили.

Ровно в одиннадцать часов миссис Кардосси подмела парадное крыльцо. Остановившись на мгновение, она понюхала воздух.

- Хорошо сегодня пахнет, — сказала она. — Значит, будет тепло.

Прячась от жара полуденного солнца, черный пес растянулся под крыльцом. Его грудь тяжело поднималась и опускалась. На ветках вишни играли птицы, они пищали и что-то друг другу

тараторили. Время от времени Борис поднимал голову и смотрел на них. В конце концов он встал на ноги и потрусил к дереву.

Он уже был под деревом, когда увидел двух руугов; сидя на заборе, рууги смотрели на него.

- Крупный, — сказал первый рууг. — По большей части стражи не такие крупные, как этот.

Второй рууг согласно кивнул, скорее мотнул болтающейся на тонкой шее головой. Не шевелясь, Борис смотрел на них. Его тело до дрожи напряглось. Теперь рууги молчали, они смотрели на большого пса, черного, с белой клочкастой полосой вокруг шеи.

- А как жертвенный ларец? — спросил первый рууг. — Он почти полон?

- Да, — кивнул второй. — Почти готов.

- Эй, вы! — крикнул первый рууг. — Вы слышите меня? Мы решили принять на этот раз вашу жертву. Так что помните, вы должны впустить нас. И чтобы без всяких штучек.

- И не забудьте, — добавил второй. — Уже скоро.

Борис ничего не сказал.

Рууги спрыгнули с забора и пошли вдоль него по тротуару. Затем один из них вытащил откуда-то карту, рууги остановились и начали ее

изучать.

- Вообще-то эта зона не очень подходит для первой попытки, — сказал первый рууг. — Слишком много стражей. Вот северная зона…

- Решение принято наверху, — сказал второй рууг. — Приходится учитывать так много факторов…

- Я понимаю.

Они дружно посмотрели на Бориса и отодвинулись от забора. Остаток разговора пес не слышал.

В конце концов рууги убрали свою карту и ушли.

Тогда Борис подошел к забору и понюхал его. От досок шел гнилой, тошнотворный запах руугов, шерсть на спине пса встала дыбом.

Когда вечером Альф Кардосси вернулся домой, пес стоял у калитки и глядел на улицу. Альф открыл калитку и вошел во двор.

- Ну, как дела? — спросил он, похлопав пса по боку. — Кончил нервничать? Какой-то ты дерганый последнее время. Раньше ведь таким не был. Борис заскулил, не отрывая глаз от лица человека.

- Ты хорошая собака, Борис, — сказал Альф. — И большой для собаки. Ты и не помнишь, как дав-

ным-давно был вот таким крохотным щеночком.

Борис потерся о ногу хозяина.

- Хорошая ты собака, — негромко пробормотал Альф. — Знать бы только, о чем ты сейчас думаешь.

Он вошел в дом. Миссис Кардосси собирала на стол. Альф прошел в гостиную, снял плащ и шляпу. Поставив обеденный судок на буфет, он вернулся на кухню.

- В чем дело? — подняла голову миссис Кардосси.

- От этой собаки много шума, надо что-то делать с ее тявканьем. Соседи хотят снова пожаловаться в полицию.

- Не хотелось бы отдавать его твоему брату. — Миссис Кардосси сложила руки на груди. — Но он и вправду совсем сходит с ума, особенно по пятницам, утром, когда приезжают мусорщики.

- Может, он еще и успокоится, — сказал Альф. Он раскурил трубку и задумчиво выпустил облачко дыма. — Раньше он таким не был. Возможно, он оправится, станет таким, каким был раньше.

- Посмотрим, — сказала миссис Кардосси.

Взошло солнце, холодное и зловещее. Остатки ночного тумана клочьями висели на деревьях, прятались в низинах. Сегодня была пятница.

Пес лежал под крыльцом, лежал с широко раскрытыми глазами и слушал. Черная шерсть стала седой и жесткой от покрывшего ее инея, выходящие из ноздрей облачка пара быстро рассеивались в неподвижном, холодном воздухе. Неожиданно пес резко повернул голову и вскочил на ноги.

Откуда-то издалека, с большого еще расстояния, донесся еле слышный звук, нечто вроде треска.

- Рууг! — крикнул Борис и огляделся. Он торопливо подбежал к калитке и поднялся на задние лапы, положив передние на верхний край забора.

Звук донесся снова, на этот раз громче, ближе. Хрустящий, лязгающий звук, словно катилось что-то тяжелое, словно открывалась огромная дверь.

- Рууг! — крикнул Борис. Повернув голову назад и вверх, он озабоченно посмотрел на темные провалы окон. Ничто не шелохнулось.

И вот показались рууги. Лязгая, треща и дребезжа, они и их грузовик двигались вдоль улицы, переваливались по неровной булыжной мостовой.

- Рууг! — крикнул Борис и подпрыгнул, глаза его пылали. Потом он немного успокоился. Он

опустился на землю и начал слушать. И ждать.

А там, на улице, напротив дома, рууги остановили свой грузовик. Было слышно, как они открывают дверцы и выбираются на тротуар. Пес начал кругами бегать по двору. Затем он снова повернулся к дому и заскулил.

В темной теплой спальне мистер Кардосси приподнялся на локте и близоруко прищурился на часы. — Вот же чертова собака, — пробормотал он. — Чертова собака.

Опустив голову на подушку, он закрыл глаза…

Теперь рууги двигались по тропинке, к дому. Первый из руугов толкнул калитку, и она распахнулась. Рууги вошли во двор. Пес попятился от них.

- Рууг! Рууг! — крикнул он. Жуткая кислая вонь руугов заполнила ноздри пса, и он отвернулся.

- Жертвенный ларец, — сказал первый рууг. — Он уже полон, я думаю.

Рууг улыбнулся яростно напрягшемуся псу.

- Очень любезно с вашей стороны, — сказал он. Рууги подошли к металлическому баку, один из них открыл его.

- Рууг! Рууг! — снова крикнул Борис и вжался в нижнюю ступеньку крыльца. Он трясся от ужаса. А рууги поднимали большой металлический бак,

опрокидывали его. Содержимое бака посыпалось на землю, и рууги начали сгребать туго набитые бумажные пакеты. Многие пакеты лопнули, и рууги подхватывали высыпающиеся из них огрызки хлеба, апельсиновую кожуру, яичную скорлупу.

Один из руугов засунул яичную скорлупу себе в рот. Его зубы начали с хрустом ее перемалывать.

- Рууг! — крикнул Борис без всякой надежды, скорее сам себе.

Рууги почти покончили со своей работой, почти собрали пожертвование. Остановившись на мгновение, они посмотрели на Бориса.

А затем молча, медленно рууги подняли глаза вверх. Их взгляды скользили по штукатурке стены, словно притягиваемые окном с плотно задернутой коричневой шторой.

- Рууг! — во весь голос крикнул Борис и двинулся в их направлении, неуверенно пританцовывая от ярости и ужаса.

Очень неохотно рууги отвернулись от окна. Они ушли, прикрыв за собой калитку.

- Вы посмотрите на него, — презрительно сказал последний рууг, подтянув на плече свой угол одеяла.

Борис просунул голову между планками забора,

почти вылез наружу. Он открывал и захлопывал пасть, громко клацая зубами. Самый крупный из руугов яростно замахал руками, и Борис отступил. Пес пристроился на нижней ступеньке крыльца, огромная пасть так и осталась открытой, где-то в самой глубине его тела родился ужасный страдальческий вой, стон тоски и отчаяния.

- Пошли, — сказал другой рууг тому, который задержался у забора.

Они пошли по тропинке.

- Ну что ж, вся эта зона хорошо очищена, если не считать небольших участков вокруг стражей, — сказал самый рослый из руугов. — И я буду крайне рад, когда будет покончено с этим конкретным стражем. Он причиняет нам очень много беспокойства.

- Куда так спешить, — сказал один из руугов и ухмыльнулся. — Наш грузовик и так уже достаточно наполнен. Оставим что-нибудь и на следующую неделю.

Рууги дружно засмеялись. Они двинулись дальше, унося пожертвование в грязном, тяжело провисшем одеяле.